

«Любопытное время переживаем...»:

Германия и Франция в научной биографии В.И.Вернадского

М.Ю.Сорокина

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва, Россия)

В статье рассматриваются контакты В.И.Вернадского с немецкими и французскими учеными, сыгравшими важную роль в личной, научной и общественной судьбе академика. Впервые публикуются письма коллег В.И.Вернадского — академиков Ф.Н.Чернышева и С.А.Чаплыгина, раскрывающие интересные подробности внутренней жизни академического сообщества в дореволюционной и советской России.

Ключевые слова: В.И.Вернадский, социальная история науки, архивы.

Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) — академик, один из немногих отечественных ученых, влияние идей и самой личности которого вышло далеко за рамки научного сообщества. 12 марта 2018 г. исполняется 155 лет со дня его рождения, и очередная неюбилейная дата — хороший повод для историко-научной рефлексии. Тем более, что несмотря на кажущееся обилие научной и научно-популярной литературы об академике, многочисленные парадные юбилеи и своего рода канонизацию его фигуры в российской историографии и общественном сознании (от названия столичной станции метро, центрального проспекта до денежных знаков), до сих пор не существует ни полного академического собрания сочинений В.И.Вернадского, ни летописи жизни и творчества, ни научного описания самого крупного архивного собрания документов ученого в Архиве РАН; ряд научных трудов академика и его обширное эпистолярное наследие остаются фрагментарно изданными и неизвестными широкой научной общественности. Более того, в последнее десятилетие исследовательский интерес к российской части архива Вернадского заметно снизился, количество новых публикаций подлинных документов резко упало, что связано не только с некоторой исчерпанностью, окрашенной «цветами времени», историографической парадигмы «национальных героев», к которым Владимир Иванович

Марина Юрьевна Сорокина, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Область научных интересов — социальная история отечественной науки, архивное наследие ученых.

почти всегда относился и в советское, и в перестроечное время, но и с очевидной сменой поколений историков науки и самой оптики историко-научной проблематики.

Между тем за рубежом, в том числе в ближнем зарубежье, возрастает как интерес к философскому и научному наследию ученого, так и стремление включить его имя в пантеон своих «национальных героев». На постсоветском пространстве этот вопрос приобрел особое звучание в связи с проблемой формирования исторической памяти и исторического сознания новых независимых государств. Стремление написать «новую» — в противовес «имперской» — версию истории нередко приводит к ее упрощенной «национализации». Так, составители многотомного академического издания «Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными», вышедшего в Киеве в 2011 г., прямо пишут о том, что «старались возможно более широко подойти к понятию “украинские ученые”, включая в него как этнических украинцев, так и ученых и научных деятелей

неукраинского происхождения, живших или работавших в Украине как постоянно, так и временно, изучавших ее, исследовавших ее естественные и производительные ресурсы, принимавших участие в научной, культурной, политической или государственной деятельности» [1, с. 31–32].

Так или иначе, но стоит признать, что многие стороны жизни и деятельности Вернадского по-прежнему остаются мифологизированными, малоизвестными и/или вовсе недокументированными. Например, четырехлетний «французский» период его творчества (1922–1925) остается одним из наиболее интригующих и в то же время малоизученных и слабодокументированных этапов жизни ученого. Именно в эти годы академик задумал, записал и частично опубликовал ту часть работ, которая заложила фундамент нового, «биосферного», видения мира. Париж стал своего рода «пеклом творения» ноосферной концепции. Она получила первичное содержательное и терминологическое оформление в том интеллектуальном пространстве, которое образовалось вокруг Вернадского и его французских коллег — математика и теолога Эдуарда Леруа (Edouard Le Roy; 1870–1954), антрополога и теолога Пьера Тейяра де Шардена (Pierre Teilhard de Chardin; 1881–1955), нобелевского лауреата Анри Бергсона (Henri Bergson; 1859–1941). Вопрос о том, как и в какой степени ученые влияли друг на друга и на формирование ноосферных представлений каждого из них, долгое время оставался открытым ввиду недостаточности круга известных архивных и опубликованных источников, способных документально подтвердить или опровергнуть факты непосредственного общения русского и французских ученых. Казалось, видимая ограниченность архивных источников навсегда оставят перспективу изучения темы «парижского творения» в рамках кропотливого исследования интертекстуальных и идейных связей в произведениях ученых. Однако возможности архивного поиска оставались не до конца исчерпанными. Документы Вернадского французского периода, важнейшая часть которых сохранилась в Бахметевском архиве Колумбийского университета США, в сочетании с материалами из других архивов позволили по-новому взглянуть на характер взаимоотношений академика с французским научным сообществом и на такой сложный историко-научный вопрос, как характер интеллектуального и идейного взаимодействия и взаимовлияния выдающихся ученых [2].

Предмет общения Вернадского и Бергсона в февральском Париже 1923 г. оказался неожиданно весьма далек от круга тех научных проблем, которые захватывали Владимира Ивановича в то время и которые науковеды считали причиной встречи ученых. Фактически академик пришел в дом Бергсона как «проситель» за русскую науку в ее советском формате. После большевистской революции, Первой мировой и Гражданской войн стремление

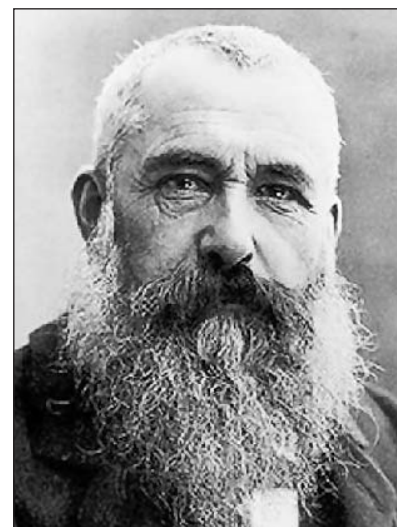
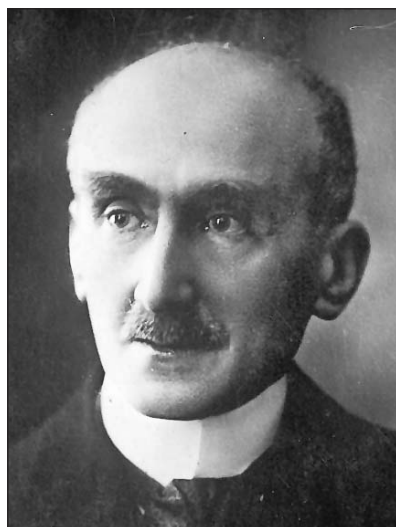
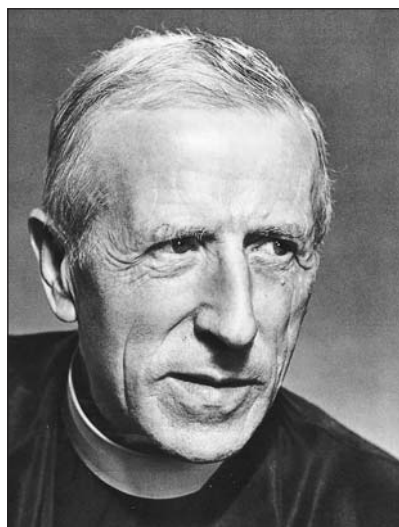
Российской академии наук реанимировать и расширить свое влияние в международных научных организациях наталкивалось на ограничения в их членстве. «Устав» созданного в 1918 г. Международного исследовательского совета исключил Россию из сформированного в 1919 г. списка участников Совета. Между тем без членства России в этой организации ни РАН, ни какая-либо другая российская научная ассоциация или союз не могли быть приняты в другие отраслевые международные научные союзы. Другим камнем преткновения на пути вступления РАН в международные научные организации стало стремление Лиги Наций сотрудничать с представителями русской научной эмиграции, а не с учеными из СССР. Диалог Вернадского с Бергсоном, председателем Комиссии интеллектуального сотрудничества Лиги Наций, и был посвящен обсуждению положения и представительства РАН и российских ученых в международном научном сообществе.

Это только один пример того, как интенсивный архивный поиск изменяет сложившиеся историографические стереотипы и открывает совершенно новые перспективы в, казалось бы, давно известных историко-научных сюжетах. Полагаю, в скором времени можно ожидать и нового всплеска интереса к архиву и многообразным научным и общественным практикам академика Вернадского. Первым тому свидетельством служит новое французское издание «Вернадский, Франция и Европа» (Vernadsky, la France et l'Europe) — 4-й выпуск коллекции статей «Россия, традиции и перспективы» (Russie, Traditions et Perspectives), в которых историки России, Франции и Швейцарии анализируют «миры» Вернадского в общеевропейском контексте [3].

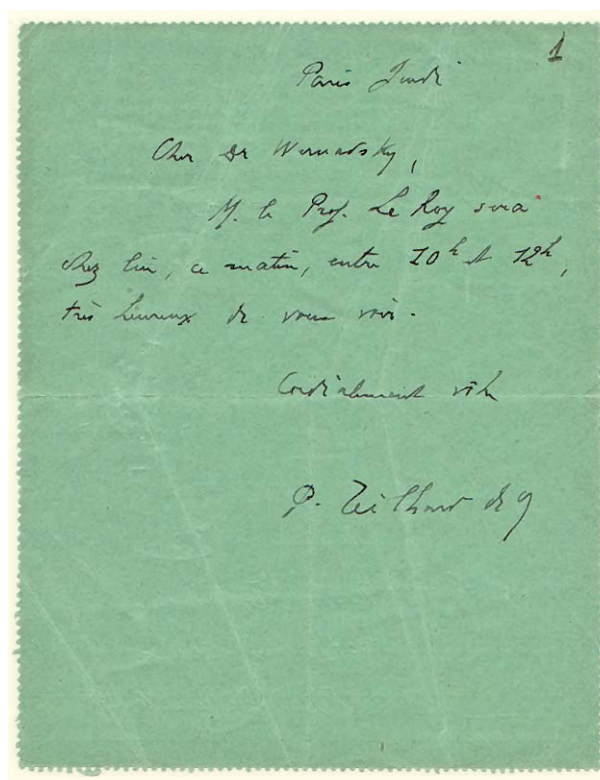
Между тем характер и динамика взаимоотношений Владимира Ивановича с российскими и зарубежными коллегами в разные периоды его жизни остаются недостаточно исследованными. Поэтому в настоящей статье, с одной стороны, остановимся на контактах Владимира Ивановича с германскими и французскими учеными*, которые параллельно, независимо и пересекаясь, сыграли важную роль в личной, научной и общественной судьбе академика, а с другой, представим несколько ранее не публиковавшихся писем коллег Вернадского — академиков Ф.Н.Чернышева и С.А.Чаплыгина, раскрывающих интересные подробности внутренней жизни академического сообщества в дореволюционной и советской России.

В жизни и научной биографии Вернадского Германия и Франция имели важное значение. Впервые он побывал в Германии летом 1873 г. в возрасте 10 лет, во время путешествия с родителями по Европе; через два года, в 1875 г., они приехали во Францию. А весной 1888 г., через три года после оконча-

* В статье использованы материалы, опубликованные на французском и немецком языках [3, 4].

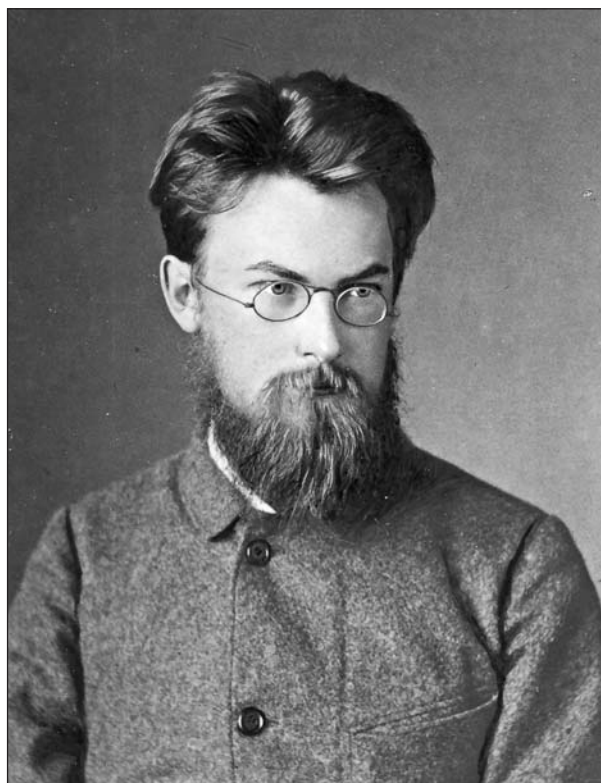
Французские коллеги В.И.Вернадского (слева направо): П.Тейяр де Шарден, А.Бергсон, Э.Леруа.

Письмо П.Тейяр де Шардена В.И.Вернадскому (АРАН).

ния физико-математического факультета Петербургского университета, хранитель Минералогического кабинета университета Владимир Вернадский получил двухгодичную заграничную научную командировку от Министерства народного просвещения для совершенствования в области кристаллографии и минералогии и подготовки магистерской диссертации, во время которой работал в различных научных лабораториях.

Свою первую большую научную стажировку Вернадский провел в Мюнхене, в Германии. Здесь он обрел старшего коллегу и патрона — профессора минералогии Мюнхенского университета и директора Баварской государственной минералогической коллекции Пауля Грота (Paul Heinrich von Groth; 1843–1927), который видел в русском исследователе своего ученика. Выбор зарубежного научного патрона был весьма важен для начинаю-

Пауль Генрих фон Грот и его 25-летний коллега — Владимир Вернадский.

щего ученого, так как в это время кафедры минералогии и кристаллографии в большинстве вузов России замещались не специалистами-минералогами, а профессорами, чьи профессиональные интересы лежали в других областях: например, в Петербургском университете оказался почвовед Василий Васильевич Докучаев (1846–1903), а в Московском университете — геолог Алексей Петрович Павлов (1854–1929). Таким образом, в первой зарубежной научной поездке Вернадский получил возможность выбрать ту или иную научную европейскую школу и одновременно войти в научную среду, которая могла бы сопроводить его научную карьеру все последующие годы.

Вернадский приехал к Гроту без темы диссертации, но уже после двух или трех недель профессор дал молодому русскому исследователю небольшой независимый проект по определению оптических аномалий сложного органического вещества — эфира тримединовой кислоты. Летом 1888 г. Владимир Иванович писал Докучаеву, что очень доволен работой в Мюнхене, так как ему удалось детально ознакомиться с применяемыми у Грота оптическими и кристаллографическими методами исследования [5].

Профессор Грот стремился устроить научную карьеру русского ученого на Западе и в первую очередь предоставил ему возможность печататься на страницах основанного им международного кристаллографического журнала *Zeitschrift für*

Krystallographie und Mineralogie. 11 июня 1888 г. Вернадский сообщал жене: «Вчера Грот говорил, что хочет пойти на следующей неделе со мной в библиотеку, чтобы узнать, какие там есть русские журналы, чтобы я составлял рефераты для *Zeitschrift*. Я очень поблагодарил его, но говорил, что я плохо пишу по-немецки... но Грот не согласился и сказал, что поправлять мы будем вдвоем с ним. <...> Он говорил с Зонке*, тот оставил мне место» [6, с.115]. Кроме того, Грот написал для Вернадского несколько рекомендательных писем к европейским специалистам и даже предложил совместную работу, что открывало значительные перспективы для молодого российского исследователя.

Так, первая зарубежная научная публикация Вернадского — небольшой реферативный обзор новейших исследований русских кристаллографов — вышла в Германии на немецком языке в 1889 г. в журнале *Zeitschrift für Krystallographie*. Однако его следующая работа по-немецки появилась только спустя 12 лет и только после личной встречи с профессором Гротом на международном Геологическом конгрессе в 1901 г. Более того, обширная библиография научных трудов Вернадского насчитывает всего 15 небольших по размерам публикаций на немецком языке. В то же время,

* Профессор Леонгард Зонке (Leongard Sohncke; 1842–1897) возглавлял физический кабинет Политехникума в Мюнхене.

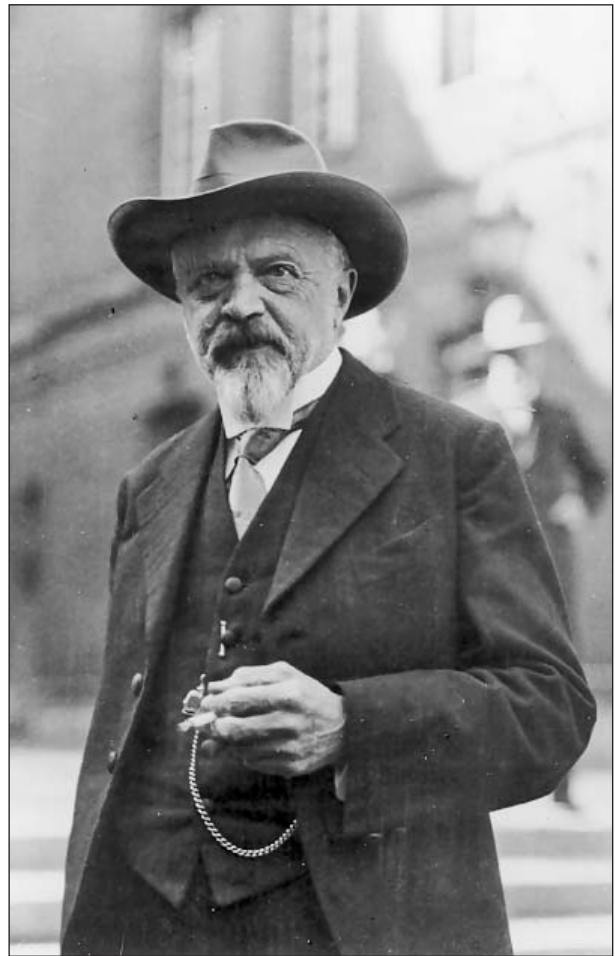
хотя его переписка с германскими коллегами носила почти исключительно деловой характер и затрагивала преимущественно вопросы приобретения минералов, приборов, обмена научной литературой, с 1888 по 1913 г. Владимир Иванович практически ежегодно проводил в немецких библиотеках и музеях не менее одного-двух летних месяцев, работая с коллекциями и новой научной литературой.

Нельзя не отметить еще один любопытный факт, связанный с коллегами из Германии. На всем протяжении своей долгой профессиональной карьеры Вернадский лишь однажды участвовал в выдвижении немецкого ученого для избрания в российские научные общества и Академию наук. В 1907 г. он совместно с Александром Петровичем Карпинским (1846/47–1936), Федором Богдановичем Шмидтом (1832–1908) и Феодосием Николаевичем Чернышевым (1856–1914) предложил избрать иностранным членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Петербурге палеонтолога, профессора Гёттингенского университета Адольфа фон Кёнена (Adolf von Könen; 1837–1915).

И все же еще одно знаковое мюнхенское знакомство прошло через всю жизнь Вернадского. Здесь он познакомился со студентом, эмбриологом-экспериментатором Хансом Дришем (Hans Adolf Eduard Driesch; 1867–1941), в недалеком будущем выдающимся биологом и философом-неовиталистом. Немецкий коллега был всего на четыре года моложе Владимира Ивановича, однако в образовательном пространстве это составляло почти целый университетский цикл, что совершенно не помешало их сближению. «Здесь встретился с группой молодых немецких биологов, ярко и резко проводивших виталистические представления, — вспоминал позднее Вернадский. — К ним я относился осторожно, но с большим интересом».* Уже скоро они вместе обедали и путешествовали по Германии (летом 1888 г.). «Мне нравится его стремление к науке, — писал Вернадский о Дрише жене, — и то, что он стремится к обобщениям и к вопросам общеинтересным» [6, с.125].

Этими «общеинтересными» вопросами были споры о том, на каком языке должна говорить наука, — «можно ли или не надо иметь на родных языках научные вещи». Вернадский и Дриш полагали, что общим языком науки должен быть какой-то один язык, причем уже тогда они оба предлагали на это место английский. Дриш даже не возражал против французского, и Вернадский отметил: «Это в немецком очень интересно» [6, с.125].

Широта в понимании философских, естественнонаучных и общественных проблем также очень привлекала Вернадского в немецком приятеле: «Говорили мы сперва о психологии и самых выспрен-

Х.Дриш, с которым Вернадский подружился во время первой стажировки в Мюнхене и сохранял теплые отношения на протяжении всей жизни.

них вопросах философии, а затем разговор сошел на более простую почву — мы говорили о братстве**, я ему много рассказывал о том, что мы устроили и переживали в СПб. Это человек замечательно близкий по воззрениям к нам; он говорит, что от социализма в том виде, в каком он есть в Германии, его отвлекает только то, что он стеснит личную свободу, которую он высоко ставит, и может привести к падению науки» [6, с.136].

В этот первый мюнхенский период Вернадский писал жене о Дрише постоянно, едва ли не в каждом письме. Но постепенно у него стал накапливаться скепсис в отношении отдельных взглядов немецкого друга и коллеги. 26 сентября 1890 г. Вернадский отметил в дневнике: «Понемногу читаю Дриша: “Психофизиологические типы” (М., 1890) — поражает смешение факта с объяснением, незаметное автору и иногда незамет-

** Братство — неформальный союз студентов Петербургского университета, из которого в дальнейшем вышло немало известных ученых и политиков (С.Ф.Ольденбург, Д.И.Шаховский и др.).

* Архив Российской академии наук (РАН). Ф.518. Оп.2. Д.31. Л.111.

ное читателю вследствие интереса фактов» (цит. по: [7, с.208]). Позже он уточняет: «Впечатление хорошее, хотя во многом он <Дриш> увлекается, думаю, неверно» [8, с.137]; «У него много критики к сторонним мнениям — весьма сильной и изящной — и совсем мало к своим положительным воззрениям» [8, с. 140]. Тем не менее при подготовке новой поездки в Германию Вернадский повторяет, что очень хочет увидеться с Дришем и специально для этого едет в Мюнхен [8, с.131].

В немецкой научной традиции Вернадский отмечал немало позитивных черт и первой среди них — прекрасную организацию научно-исследовательской работы. В 1888 г. он писал из Мюнхена жене: «Чувствую, что все более и более научаюсь методам, т.е. у меня появляются руки, а вместе с тем как-то усиленнее и сильнее работает мысль» [6, с.116]. Работая в декабре 1889 г. в Берлине в Музее естественной истории, он отмечает: «Опять проявление замечательного умения организации научных средств, которое поразило меня и в Мюнхене» [9, с.35–49], и даже признаваясь, что Берлин не любит, мирится с ним: «...Библиотека чрезвычайно богата, достаю совсем редкие вещи» [10, с.101].

В то же время либерал Вернадский всегда подмечал взаимосвязь политического устройства страны, уровня развития демократии и свободы научного творчества. Для его понимания роли немецких университетов в европейском простран-

стве было очень важно, что «в былое время существование немецких университетов во многих государствах являлось одним из важных условий поддержания духа свободы и искания лучшего в европейском обществе» [6, с.146]. Путешествуя по Германии в 1902 г., Вернадский посетил Нюрнберг, который произвел на него сильное впечатление «энергической сознательной жизнью демократии — совокупным усилием поколений и отдельных личностей город принял тот своеобразный, полный красоты вид, который резко отличает его от остальных современных городов. Он чем-то — совсем в другом роде — напоминает мне Флоренцию. Для меня все это было довольно неожиданно: так особенно ясно понимаешь, что именно в такой среде могли развиваться и из нее выходить те “мастера”, которые явились в конце концов новаторами и в науке, и в искусстве. Чрезвычайно интересен Германский музей: в нем чрезвычайно много любопытнейшего материала по истории науки, в первый раз я видел в большом количестве собранными приборы алхимиков и т. д.» [10, с.110].

Параллельно в письмах Вернадского из Германии на протяжении 1888–1900-х годов рефреном звучит и иная тема — мертвенности, сухости, затхлости в понимании царивших там задач минералогии и кристаллографии. Рассматривая свое пребывание в Европе и в Германии в частности, как возможность встретиться с выдающимися учены-

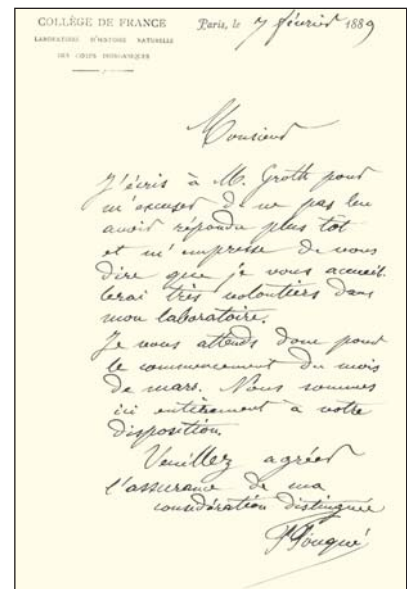
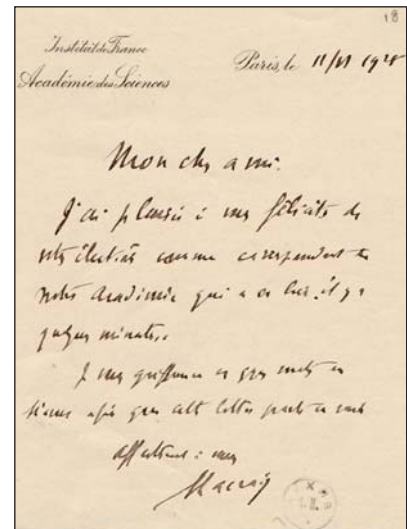
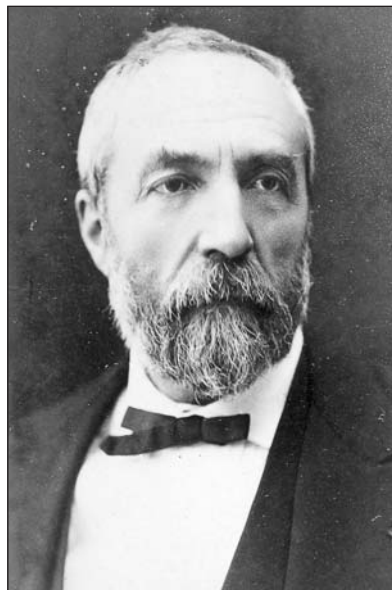
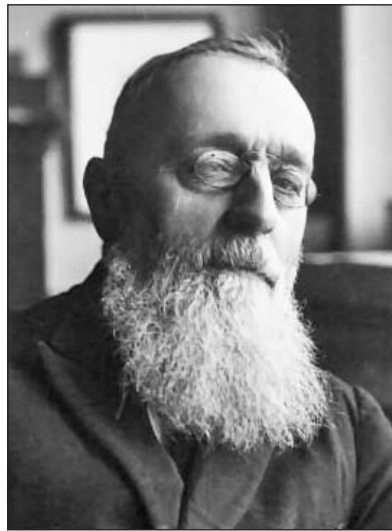

В.И. и Н.Е.Вернадские (на скамье) среди друзей и знакомых. Париж, 1925 г. (АРАН).

ми, но прежде всего окунуться в *новые* научные проблемы, узнать *новые* методы исследования, Владимир Иванович признавался жене в октябре 1888 г., что ему «хочется вырваться» в Париж, где он также успел побывать летом того же года. «В Германии я чувствовал, — писал он, — что мы нисколько не ниже, а здесь ты понимаешь, какая сила в традиционной работе поколений — как в Англии» [6, с.15]. В другом письме Вернадский писал еще откровеннее: «Франция и французы мне очень нравятся; после Германии они производят на меня впечатление чего-то очень культурного; в Германии, в обществе, очень многое меня шокировало и казалось грубым, варварским» [6, с.164].

Наиболее продуктивной Вернадский считал свою работу в Париже, в Высшей горной школе, у профессора Анри Ле Шателье (Henri Louis Le Chatelier; 1850–1936) и в Коллеж де Франс у профессора Фердинанда Фуке (Ferdinand Fouqué; 1828–1904). Коллеж де Франс, где профессора, не связанные планами и программами, были свободны в выборе предметов своих курсов, которые, в свою очередь, могли посещать все желающие, без различия пола, возраста и национальности, вызвал наибольший интерес у молодого ученого. Он специально отмечал, что профессора читали курсы по самым последним и спорным данным. «Таких лекций в Германии... почти нет», в России — тем более. Но самое главное, резюмировал Вернадский, «в отличие от того, что было в Мюнхене, у меня во Франции завязались более прочные связи, оставшиеся на всю жизнь» [6, с.20; 9, с.72].

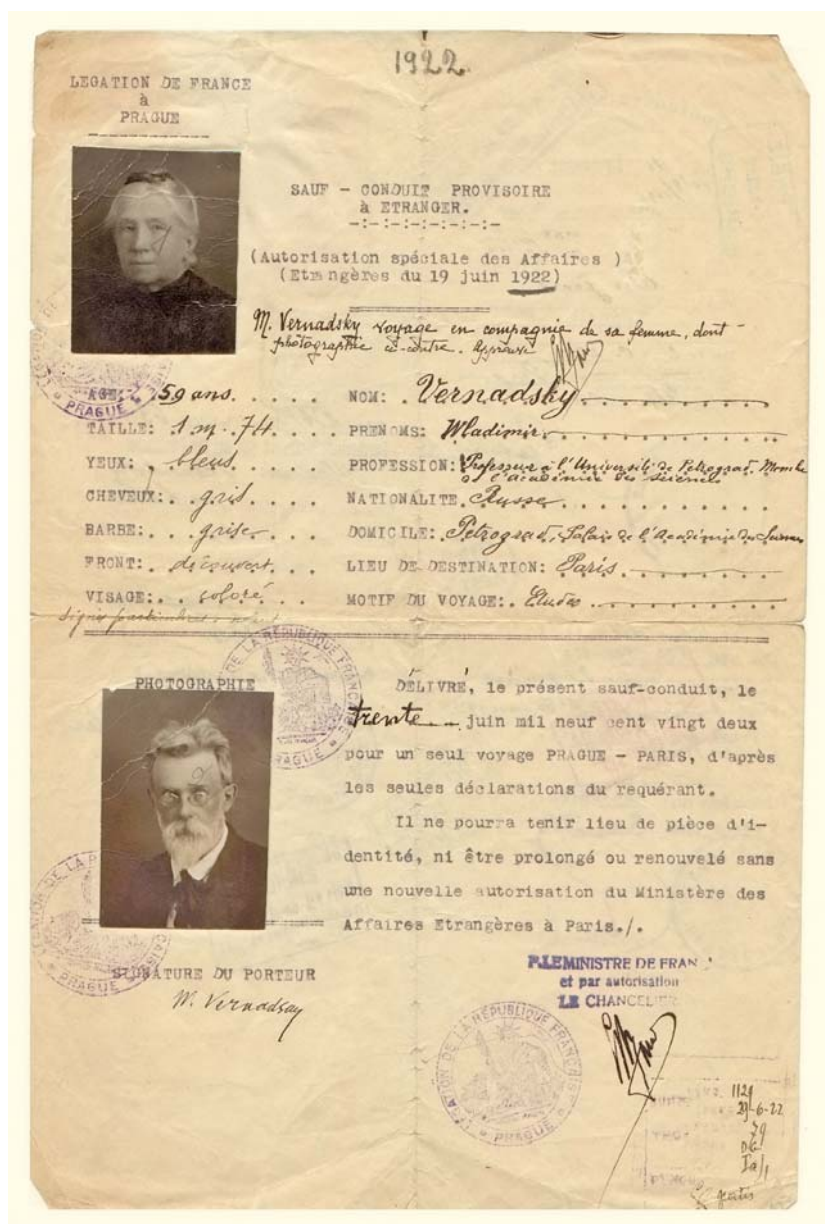
Действительно, вторая научная публикация ученого за границей, появившаяся в 1889 г. во Франции на французском языке, стала провозвестником его долговременного сотрудничества с французскими коллегами. Тогда же Вернадский был избран членом Французского минералогического общества. Многие десятилетия дружеского общения связывали его в дальнейшем, например, с французским минералогом, с 1914 г. секретарем Французской академии Альфредом Лакруа (Antoine François Alfred Lacroix, 1863–1948) [11]. Зять Фуке, он был еще лаборантом, когда в 1898 г. познакомился

А.Лакруа (вверху) и Ф.Фуке, а также автографы их писем В.И.Вернадскому (АРАН).

с русским минералогом. При непосредственном участии Вернадского, одного из авторов представления, в декабре 1909 г. Лакруа был избран иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук. В свою очередь, Владимир Иванович, приехав в Париж в 1922 г., в течение нескольких лет занимался в лаборатории Лакруа в Национальном музее естественной истории.

Хотя во Франции с 1900 по 1910 г. Вернадский почти не бывал, лишь на несколько дней посетив Париж для контакта с М.Кюри в январе 1910 г. и затем, также недолго, в 1913 г., библиография его прижизненных публикаций на французском языке в три раза превышает их количество на немецком и насчитывает 45 работ, в том числе важнейшие монографии («Геохимия», «Биосфера»). Но если подавляющее большинство немецкоязычных пуб-

Разрешение на пребывание во Франции. 1922 г. (АРАН).

ликаций Вернадского появились до Первой мировой войны, большинство франкоязычных публикаций ученого вышло после 1922 г., когда он провел несколько лет во Франции и регулярно приезжал сюда в 1928–1936 гг.

Впервые после установления в России советской власти Вернадский приехал в Париж 8 июля 1922 г. и на следующий день описывал дочери свои впечатления: «Глубоки, по-видимому, последствия войны — но бьется здесь большая мысль. И все крепнет мое настроение: важны и нужны такие обособляющие настрои человечества, как национальный и государственный патриотизм или национальное религиозное движение (вроде православного движения или конфессионального

иного) — но сейчас они при ослаблении единого и общечеловеческого могут привести не к хорошему, а к дурному. И я хочу жить не этими обособлениями, а *общим*. Оно мне представляется сейчас важнее» (цит. по: [12, с.40]).

На следующий после приезда день Вернадский встретился со своими старыми знакомыми — Альфредом Лакруа, Луи Жантислем (Louis Gentil, 1868–1925) и с ректором Сорбонны Полем Аппелем (Paul Appel, 1855–1930). Французские коллеги сразу пообещали академику помочь с устройством его статей в научные журналы, а главное — издать на французском языке книгу его лекций по геохимии, прочитанных в 1921 г. в Российской академии наук. Сердечность приема обрадовала и смутила академика одновременно, он писал сыну: «Они делают больше, чем можно было себе представить, и я чувствую даже себя неловко. Во-первых, мне для работы предоставляют все, что я хочу: если нужно заказывать приборы, доставать материалы и т.д. — все в пределах лабораторных средств. Затем Парижская академия наук присудила мне за мои работы большую премию — премию Вальяна; она должна была бы быть выдана только в ноябре, но устроено так, что я уже сегодня ее получил — это 4000 франков. Затем сегодня мне сообщили, что вчера Совет Парижского университета постановил о выдче мне 2000 fr. <...> Я смущен чувствовать себя в положении

“знаменитого” ученого — но, с другой стороны, сознаю, что это обязывает и что, может быть, для России хорошо, когда проявляется такое отношение к ее представителям» (цит. по: [12, с.40]).

Размышления о месте российской науки в мире, ее потенциале и перспективах всегда доминировали в сознании Вернадского со времени его первого длительного пребывания в Европе. Еще в споре 1888 г. о «языке науки» он говорил, что одним из необходимых для всех ученых языков может стать и один славянский, а именно русский [6, с.125]. В дальнейшем мысль о служении российской науке как неотъемлемой части мирового научного познания только укреплялась в сознании ученого. В кризисном для Мос-

ковского университета 1911 г. Вернадский, вольно или невольно цитируя П.А.Столыпина, восклицал: «Если бы нам недолго спокойствие в общественной политической жизни! Как сильно могла бы забиться русская мысль и русская жизнь! Здесь <на Западе> ворчат повсюду на рост русской научной литературы, выражают неудовольствие, но ясно чувствуется, что они будут считаться с фактом» [7, с.51].

В трудах по истории науки Владимир Иванович непременно указывал на национальность ученого, его национальную образовательную или научную школу. В то же время его патриотический настрой никогда не перерастал в шовинистический, тем более в историко-научной сфере. Вернадский абсолютно четко разводил понятия «этничность» и «гражданство», «культура» и «государственность». В 1928 г. академик так в афористичной форме описывал сложный и амбивалентный процесс поиска национальной идентичности Петербургской академии наук: «Русское общество... не знало и не знает историю своего научного творчества, как не знало и своего художественного творчества; добрая часть истории России — да и всякой страны (стоит вспомнить Наполеона во Франции) — творилась “иностранцами по происхождению”. Есть замечательная по глубине мысли речь ак<адемика> Миддендорфа* (вполне русского, несмотря на нерусскую фамилию) в 1850-х годах, где дано глубокое обоснование той структуры Академии наук, какую имела Россия в XIX ст<олетии> и которая, вероятно, разовьется в Европе — и в мире, — когда падут рамки национальной грезни. Связь “немцев”** (б<ольшей> ч<астью> русских по государству), о истории которых я пишу, — Ленца, Фусса, Гесса*** и др. — с русской культурой огромна. Ну, напр<имер>, русский химический язык создан Гессом (одним из великих химиков — калибра Бертело****). <...> Во главе “немецкой” партии Ак<адемии> наук стоял К.Веселовский*****, а главой “русской” был бар<он> Розен*****» [13].

* Миддендорф Александр Федорович (Alexander Theodor von Middendorff; 1815–1894), путешественник, географ, ботаник; действительный член, неперемный секретарь Петербургской академии наук (1855–1857).

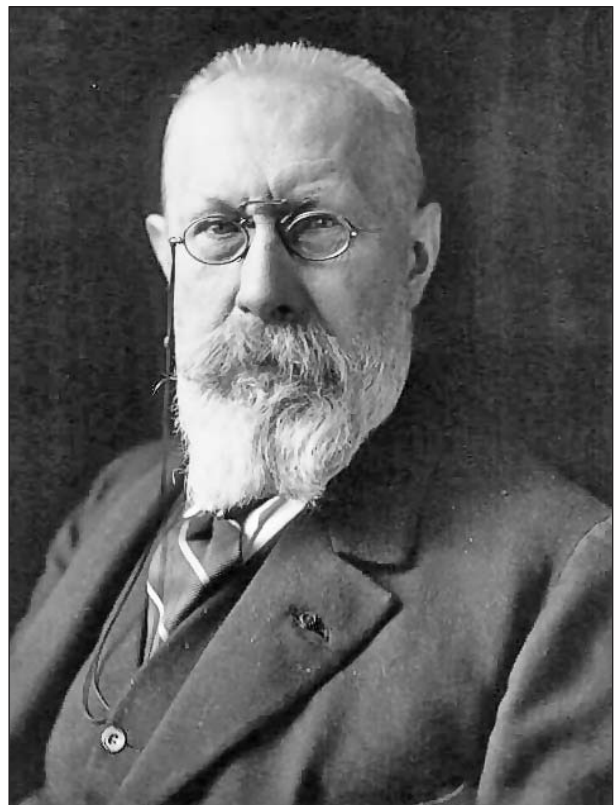
** Принадлежавших к партии академиков иностранного происхождения.

*** Ленц Эмилий Христианович (Heinrich Friedrich Emil Lenz, 1804–1865), физик и электротехник; Фусс Николай Иванович (Fuss, 1755–1826), математик; Гесс Герман Иванович (Germain Henri Hess, 1802–1850), химик. Все — академики Петербургской академии наук.

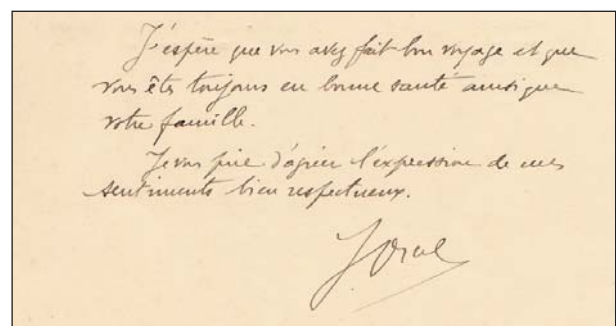
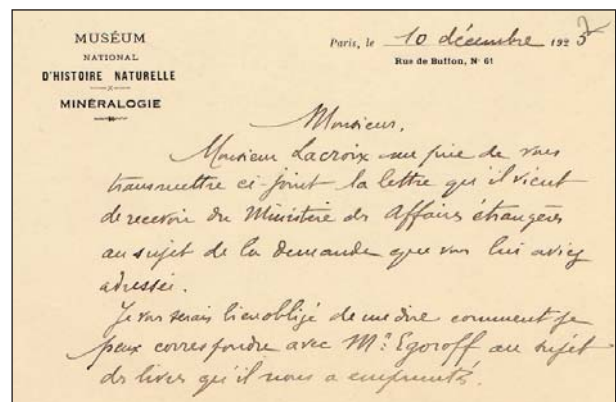
**** Марселен Бертело (Marcellin Berthelot; 1827–1907), химик и государственный деятель.

***** Веселовский Константин Степанович (1819–1901), экономист и статистик, академик, неперемный секретарь Петербургской академии наук (1857–1890).

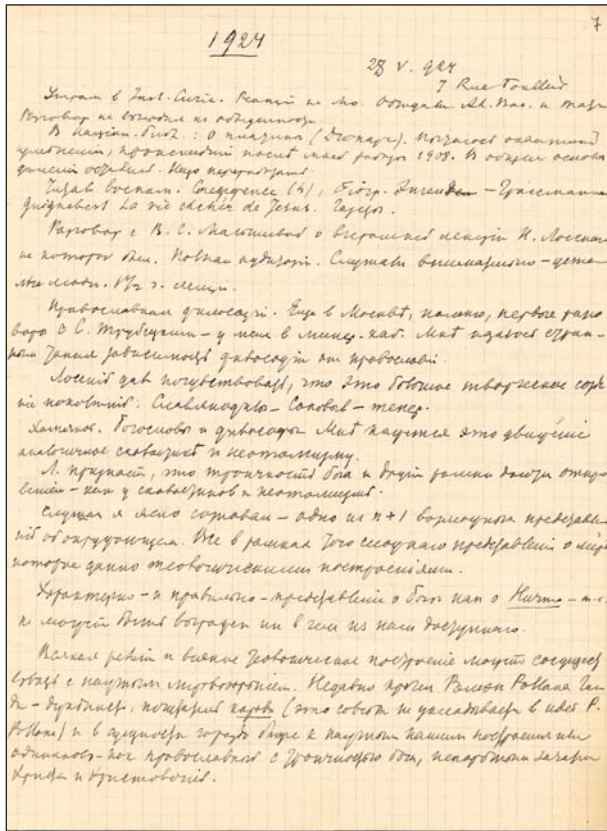
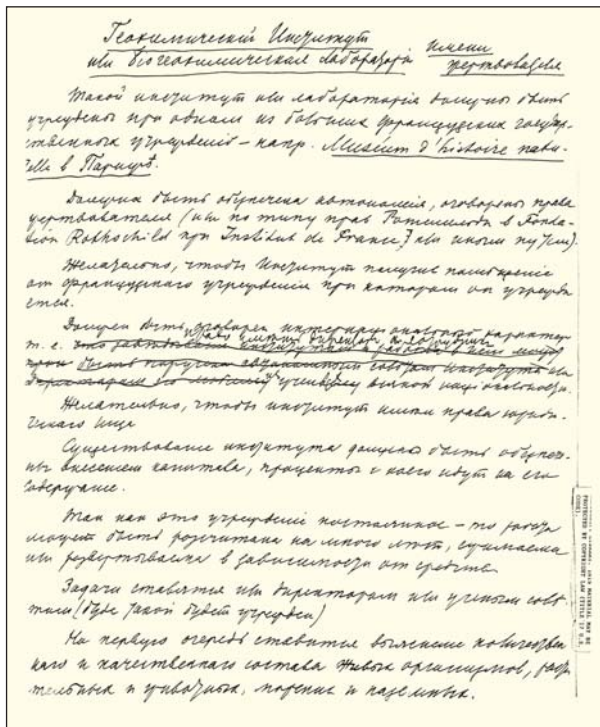
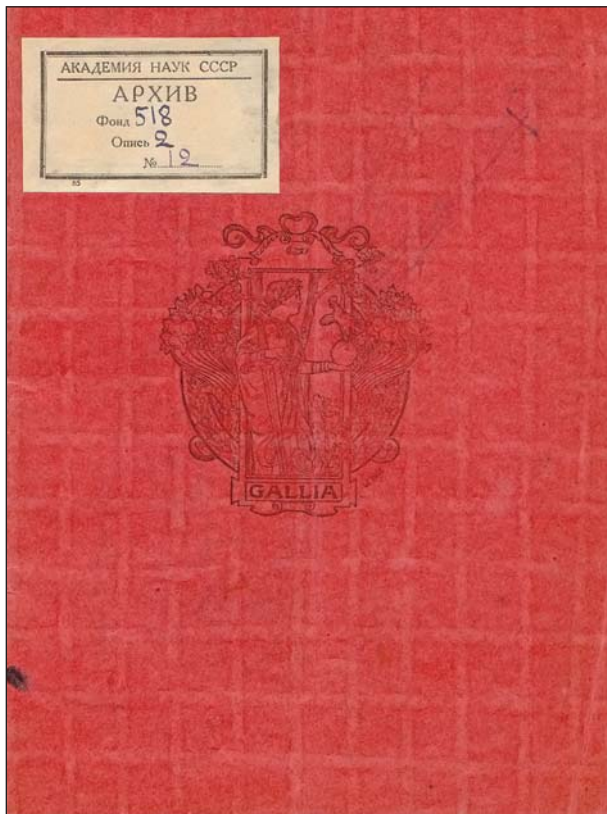
***** Розен Виктор Романович, барон (1849–1908), востоковед, академик, вице-президент Петербургской академии наук.

П.Аппель.

Письмо В.И.Вернадскому Ж.Орселя (J.Orcel; 1896–1978) — французского минералога, геохимика, в 1920-х годах сотрудника Минералогического музея в Париже. 1925. (АРАН).

Обложка дневника В.И.Вернадского и страница за 28 мая 1924 г. (АРАН).

Автограф В.И.Вернадского — черновик проекта создания Геохимического института или Биогеохимической лаборатории с припиской Вернадского «имени жертвователя» и пометой «1924 II Розенталь*». Бахметьевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), фонд Г.В.Вернадского (Ver-nadsky Coll. Box 15). Публикуется впервые.

* По-видимому, этот документ предназначался непосредственно Леонарду Михайловичу Розенталю (1877–1955) — выходцу из России, французскому предпринимателю, «королю жемчуга». Для реализации проекта Вернадский предлагал Розенталю либо учредить фонд его имени при французской Академии наук (или при других научных учреждениях) для двух-трехлетнего финансирования окончания своих исследований, либо организовать постоянный геохимический институт при одном из больших французских государственных учреждений (например, при Музее естественной истории в Париже). В проекте специально акцентировалось внимание на международном характере деятельности будущего института, его автономии, оговаривались и права жертвователя. Задачу института Вернадский формулировал как «выяснение количественного и качественного состава живых организмов, растительных и животных, морских и наземных». 25 февраля 1924 г. в особняке Розенталья состоялся обед, положивший начало деятельности Фонда Розенталья (Foundation Rosenthal) — единственной организации на Западе, взявшей спонсировать реализацию идей русского ученого об исследовании живого вещества планеты. Однако финансирование продлилось недолго: началось в сентябре 1924 г., но в ноябре 1925 г. Фонд Розенталья в новой дотации Вернадскому отказал. В марте 1926 г. он вернулся в Ленинград, а еще через год Комиссия СНК СССР по содействию работам АН СССР приняла решение о создании специально для него Биогеохимической лаборатории.

Убежденность Вернадского во вненациональной природе научного познания при сохранении национальных организационных форм научных практик была основным алгоритмом и его отношений с европейскими коллегами, и историко-научных штудий, независимым от изменений политического климата в России / СССР, Франции и Германии.

Когда в 1927 г. под редакцией В.И.Вернадского вышел первый сборник памяти академика К.М.Бэра (1792–1876), он открывался его статьей о личности ученого и его значении для российской и мировой науки. Создатель духовного уклада нашей академии — так коротко и всеобъемлюще Владимир Иванович определил значение Бэра для российской науки [14].

Связи с Гротом и Дришем Вернадский сохранял всю жизнь, хотя их интенсивность, конечно, менялась со временем. Так, личные встречи с профессором Гротом фактически прервались в 1913 г., но в целом Владимир Иванович переписывался с ним по-немецки более 30 лет — с 1888 по 1926 г., вплоть до кончины мюнхенского профессора. Их корреспонденция, сохранившаяся в Архиве РАН, насчитывает 40 листов.

К трудам и идеям Дриша, в том числе об энтелихии, Вернадский постоянно возвращался во время работы над проблемой «живого вещества», занимавшей его во второй половине жизни. Даже в разгар Гражданской войны, в январе 1920 г., эвакуируясь на пароходе «Ксения» в Крым, он читал «Витализм» Дриша [15, с. 13, 22, 28].

Академик считал энтелихию неудачной формой логического выражения реально существующей «особенности», но всегда подчеркивал исключительный научный и философский уровень исканий Дриша. Последний раз они общались 20 октября 1936 г., когда по дороге из Парижа в Прагу Вернадский — едва ли не единственный из «старых», еще с дореволюционным стажем академиков, кто после прихода нацистов к власти в Германии бывал в этой стране, — остановился в Лейпциге у своего старинного друга профессо-

Радиевый институт Кюри в Сорбонне, где Вернадский работал в 1923–1925 гг.

ра Федора Брауна* и «по телефону говорил с Дришем — неудачно, кажется, и к вечеру уехал в Прагу» [16, с.102].

Мы не знаем, о чем был этот последний разговор и почему он не удался. Но эта личная не встреча старых коллег и друзей в чем-то символично закрыла целую главу в российско-немецких научных связях в целом. Больше академик Вернадский в Германию не приезжал и писем от Дриша не получал, но продолжал очень внимательно следить за советским и немецким атомными проектами.

После начала Второй мировой войны, 19 ноября 1939 г., 76-летний Вернадский записал в дневнике: «Удивительно, как глубоко проникала в нас немецкая культура. Мне казалось, что меня более затронула англосаксонская и я весь проникнут славянством. <...> Хотя отец много мне дал — западноевропейского (Италия, Англия и Шотландия) — больше Германия и Франция. Польша и Украина. Здесь Гегель, Риттер, Бах, Лист» [16, с.74]. Так, подводя жизненные итоги, ученый воздал должное духу европейской культуры, который пронизал всю его судьбу. ■

* Браун Федор Александрович (1862–1942), филолог, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Литература/ References

1. Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Переписка: А–Г. Сост. А.С.Онищенко, Л.А.Дубровина, С.Н.Киржаев и др. Избранные научные труды академика В.И.Вернадского. Киев, 2011; 2(1): 31–32. [Volodymyr Ivanovych Vernadsky. Correspondence with Ukrainian Scientists. Correspondence: А–Н. Onyshchenko O.S., Dubrovina L.A., Kirzhayev S.M. et al. (auth.-comp.). Selected Scientific Works of Academician V.I.Vernadsky. Kyiv, 2011; 2(1). (In Ukr.-Russ.)]

2. *Сорокина М.Ю.* Вернадский в Париже, или О чем академик говорил с Анри Бергсоном. В.И.Вернадский и современность: Материалы торжественного заседания, посвященного 140-летию со дня рождения академика В.И.Вернадского (1863–1945). М., 2003; 211–220. [*Sorokina M.Yu.* Vernadsky in Paris, or what the academician was talking about with Henri Bergson. V.I.Vernadsky and Modernity. Moscow, 2003; 211–220. (In Russ.)]
3. *Sorokina M.* Mythes et archives. La France et les chercheurs français dans la vie et l'oeuvre scientifique de l'académicien V.I.Vernadsky. Vernadsky, la France et l'Europe. Publications de la Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2017; 31–48.
4. *Sorokina M.* Schnittpunkt der Schicksale: Deutschland und deutsche Wissenschaftler in Leben und wissenschaftlichem Werk des Akademiemitglieds Vladimir Ivanovic Vernadskij (1863–1945). Riha O., Fischer M. (eds) Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland. Aachen, 2011; 153–168.
5. *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М., 1990. [*Mochalov I.I.* Vladimir Ivanovic Vernadsky (1863–1945). Moscow, 1990; 84–86. (In Russ.)]
6. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е.Вернадской: 1886–1889. М., 1988. [*Vernadsky V.I.* Letters to N.E.Vernadsky: 1886–1889. Moscow, 1988. (In Russ.)]
7. *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. [*Vernadsky V.I.* Works on General History of Science. Moscow, 1988. (In Russ.)]
8. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е.Вернадской: 1893–1900. М., 1994. [*Vernadsky V.I.* Letters to N.E.Vernadsky: 1893–1900. Moscow, 1994. (In Russ.)]
9. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской: 1889–1892. М., 1991. [*Vernadsky V.I.* Letters to N.E.Vernadsky: 1889–1892. Moscow, 1991. (In Russ.)]
10. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской: 1901–1908. М., 2003. [*Vernadsky V.I.* Letters to N.E.Vernadsky: 1901–1908. Moscow, 2003. (In Russ.)]
11. *Юшкевич А.П., Яншина Ф.Т.* В.И.Вернадский и ученые Франции. Вопросы истории естествознания и техники. 1991; 2: 80–91. [*Yushevich A.P., Yanshina F.T.* Vernadsky V.I. and the scientists of France. Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki. 1991; 2: 80–91. (In Russ.)]
12. *Сорокина М.Ю.* «Аймек Гуарузим» — Fondation Rozenthal. Евреи России — иммигранты Франции. М.; Париж; Иерусалим, 2000. [*Sorokina M.* “Aimek Guaruzim” — The Rosenthal Foundation. The Jews of Russia are immigrants of France. Moscow; Paris; Jerusalem, 2000. (In Russ.)]
13. «Любопытно, что будет через несколько лет»: Письма В.И.Вернадского Ф.И.Родичеву. Документы русской истории. 2002; 2: 28–40. [“It is curious what will happen in a few years”: V.I.Vernadsky's letters to F.I.Rodichev. Documents of Russian history. 2002; 2: 28–40. (In Russ.)]
14. *Вернадский В.И.* Памяти академика К.М. фон Бэра. Труды Комиссии по истории знаний. Л., 1927; 1–9. [*Vernadsky V.I.* In memory of Academician K.M. von Baer. Proceedings of the Commission on the History of Knowledge. Leningrad, 1927; 1–9. (In Russ.)]
15. *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Т. 2: 1920–1921. Киев, 1997. [*Vernadsky V.I.* The Diaries. 1917–1921. 2: 1920–1921. Kiev, 1997. (In Russ.)]
16. *Вернадский В.И.* Дневники 1935–1941. М., 2006. [*Vernadsky V.I.* The Diaries. 1935–1941. Moscow, 2006. (In Russ.)]

«We are going through a curious time...»: Germany and France in the scientific biography of Vladimir Vernadsky

M.Yu.Sorokina
Alexander Solzhenitsyn Center for the Study of the Russian Diaspora (Moscow, Russia)

The article deals with the contacts of V.I.Vernadsky with German and French scientists who played an important role in the personal, scientific, and social fate of the academician. The letters of Vernadsky's colleagues — academicians F.N.Chernysheva and S.A.Chaplygin, revealing interesting details of the inner life of the academic community in pre-revolutionary and Soviet Russia — are published for the first time.

Keywords: V.I.Vernadsky, social history of science, archives.

Ф.Н. Чернышев — В.И. Вернадскому

Два письма известного русского геолога и палеонтолога, действительного члена Императорской Санкт-Петербургской академии наук, директора Геологического музея Академии и Геологического комитета, председателя Отделения физической географии Русского географического общества Федосия Николаевича Чернышева (1856–1914) посвящены подготовке избрания В.И. Вернадского адъюнктом Академии в 1905 г. вместо отказавшегося от своей позиции в Академии директора Петербургского горного института кристаллографа Евграфа Степановича Федорова (1853–1919). В это время отношения Федорова и Вернадского складывались весьма непросто. Евграф Степанович, ставший в 1905 г. первым вы-

Ф.Н. Чернышев и В.И. Вернадский.

борным директором Горного института, отказал в том же году Владимиру Ивановичу в праве пользования материалами музея Горного института для учета их в «Опыте описательной минералогии». Как видно из предисловия к этой работе, Вернадский болезненно пережил отказ. Он писал: «Я всюду встречал содействие и помощь, и только один раз (к сожалению, в России) встретил отказ в пользовании собраниями одного из публичных музеев, но и ими надеюсь воспользоваться для дальнейшей работы»¹. После отказа Федоровым от места адъюнкта Императорской академии наук именно Вернадский стал его преемником на академической кафедре, а в 1918 г. он поддержал официальное представление Федорова в действительные члены Российской академии наук².

¹ Вернадский В.И. Избранные сочинения. М., 1955; 2: 8.

² Подробнее см.: Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Е.С. Федоров и В.И. Вернадский: (по материалам Архива Академии наук СССР) // Очерки по истории геологических знаний. М., 1959. Вып. 8. С. 165–176. Публикацию писем Е.С. Федорова В.И. Вернадскому см.: Евграф Степанович Федоров. Переписка. Незданные и малоизвестные работы / Сост. И.И. Шафрановский, В.А. Франк-Каменецкий, Е.М. Доливо-Добровольская // Научное наследство. Л., 1991. Т. 16. С. 156–161.

21 мая 1905 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович, не отвечал на Ваше письмо, так как все надеялся, что в скором времени официально выяснится уход Федорова и будет возможность сделать представление о Вас в последних весенних заседаниях Отделения. Дело с отставкой Федорова застряло, однако, где-то в недрах канцелярии М<инистерства>ва народн<ого> просвещения и поэтому приходится отложить представление до осени. Тем не менее, желая Вас гарантировать от всяких

случайностей, я переговорил со всеми членами Отделения и частью из других отделений. Не подлежит сомнению, что в Отделении Вы пройдете почти единогласно, а в Общем собрании выборы также обеспечены. Сколько я понимаю, Ваши desiderata, изложенные в последнем письме, легко исполнить. В крайнем случае, если бы у М<инистерства>ва не оказалось средств на единовременную затрата, просимую Вами, Академия может наскоблить из своих экономических средств.

Я бы Вас просил несколько облегчить мне и Карпинскому¹ задачу представления, дав пол-

ный список Ваших работ. Конечно, такой список можно составить и нам, но Вам как автору, конечно, придется затратить на это меньше труда.

Около 10-го июня уеду на месяц за границу. Уж очень это неприятно при теперешних обстоятельствах. Но вся беда в том, что вся поездка заранее подготовлена и теперь отступать уже неудобно.

Крепко жму Вашу руку. Ваш Ф.Чернышев
РАН. Ф.518. Оп.2. Д.36. Л.49–51.

¹ Карпинский Александр Петрович (1847–1936) — геолог, академик (с 1896), первый выборный президент Российской академии наук / Академии наук СССР.

СПб. 7 сентября 1905 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович, давно собирался Вам ответить на Ваше любезное письмо, но откладывал, пока не выяснился порядок будущего Вашего избрания в среду Академии. Теперь уже официально было заявлено в первом осеннем Общем собрании о выходе Федорова. На будущей неделе в среду Отделением физико-математическим будет образована Комиссия для суждения о возможных кандидатах на замещение кафедры минералогии. Вероятно, ко 12-му октября успеем изготовить представление о Вас и внести в заседание отделения. Баллотировка в Отделении может быть 9-го ноября, в декабре пройдет представление Отделения в Общее собрание, и в январе 1906 года состоится окончательная баллотировка. Выбор я считаю вполне обеспеченным, так как с большинством из членов Конференции и я, и А.П. Карпинский переговорили. При представлении в Отделение надо будет выполнить еще одну маленькую формальность — это получить от Вас письменное согласие вступить в Академию, если выборы будут благоприятны. Такого рода согласие требуется Уставом, а потому не считайте это за формалистику. Музей наш¹ постоянно подвигается ко благоприятному виду. Ремонт всех зал закончен, и с осени начнем установку всей мебели. Минералогическое собрание за это лето [пополнилось], так как Воробьев², съездив на Урал, привез оттуда много интересных вещей, притом из новых месторождений. Когда будете писать согласие на избрание Вас адъюнктом в Академию, то упомяните о Ваших desiderataх по части обстановки для работы. Просите и денежных средств и укажите на необходимость иметь ученого хранителя минералогического собрания. Воробьев теперь заведует минералогическим отделением как приватный служащий, а потому желательно создать для него должность штатную. Я не сомневаюсь, что Конференция примет во внимание Ваши желания и постарается их осуществить. Читал я постанов-

ления съезда Союза профессоров, которые полностью отпечатаны были в «Слове», и очень порадовался, что часть тех условий, которые ставились как неперемennые требования возобновления лекций, были даны министерством уже в последний день Ваших заседаний. Хотелось бы верить, что занятия в учебных заведениях теперь пойдут³. Уж очень молодежь изголодалась, ничего не делая почти целый год, и теперь жаждет начать занятия. Во всяком случае можно поздравить Московский университет, который первый справился с задачей выбора ректора, и думается, весьма удачно⁴. В здешнем университете разбились на партии, и выбор ректора может дать неожиданный сюрприз⁵. Вероятно, в применении автономии будет большая путаница в петербургском Политехникуме. Совет хотел бы, чтобы директором остался Гагарин, но он не читает лекций и не имеет звания профессора, а потому, если строго держаться начал автономии, то его нельзя будет избрать. Как выйдут профессора из этой дилеммы — не знаю.

Любопытное время переживаем. Когда-то все пойдет в нормальную колею.

Пока до свидания. Крепко жму Вашу руку, преданный Вам Ф.Чернышев.

РАН. Ф.518. Оп.3. Д.1795. Л.8–9об.

¹ Речь идет о Геологическом музее имени Петра Великого Императорской академии наук, директором которого был Ф.Н.Чернышев.

² Воробьев Виктор Иванович (1875–1906) — геолог, ученый хранитель Минералогического отделения Геологического музея имени Петра Великого Императорской академии наук с 1900 по 1906 г.

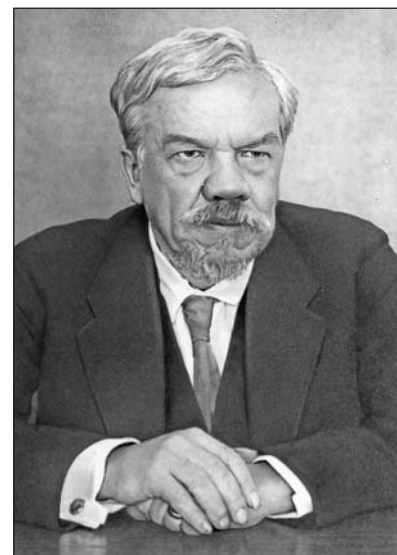
³ 27 августа 1905 г. был издан Высочайший Указ о «Временных правилах об управлении высшими учебными заведениями», создавших первые нормы университетской автономии: выборность ректора и профессуры, расширение прав профессорской коллегии — Совета университета. И хотя сам термин «автономия» указ не содержал, за ним должен был последовать новый университетский Устав.

⁴ Первым выборным ректором Императорского Московского университета стал князь С.Н.Трубецкой (1862–1905), скончавшийся 29 сентября 1905 г. от инсульта, который случился во время заседания в Министерстве народного просвещения. Его безвременная кончина потрясла В.И.Вернадского, он вспоминал: «О смерти С.Н.Трубецкого я узнал во время земского собрания в Моршанске, немедленно с вокзала отправился на похороны. Невольно расплакался. Эта смерть, мне кажется, смела человека, который мог бы направить в другую сторону ход событий», см.: «Ложные равновесия»: из переписки С.Н.Трубецкого и В.И.Вернадского 1901–1905 г. / Предисл., публ. и коммен. М.Ю.Сорокиной // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge). 2015. №3. С.229–258.

⁵ Первым выборным ректором Императорского Санкт-Петербургского университета стал физик Иван Иванович Боргман (1849–1914).

С.А. Чаплыгин — В.И. Вернадскому

Несмотря на четверть века, разделяющую даты публикуемых писем выдающегося математика и механика, одного из основоположников современной аэромеханики и аэродинамики, действительного члена АН СССР с 1929 г. Сергея Алексеевича Чаплыгина (1869–1942) Владимиру Ивановичу Вернадскому, они посвящены одной теме — реакции научного сообщества на произвол власти. Первое письмо написано в 1911 г., после ухода Вернадского и Чаплыгина из Московского университета вместе с большой группой профессоров и преподавателей (более 130 человек) в знак протеста против незаконного вмешательства министра народного просвещения Л.А.Кассо в дела университетской автономии. Второе — летом 1936 г., когда начало разворачиваться очередное академическое «дело» математика Н.Н.Лузина. В обоих случаях активная публичная позиция профессуры, среди которой были Чаплыгин и Вернадский, помогла защитить коллег и добиться, хотя и не сразу, их восстановления в прежнем статусе — после Февральской революции 1917 г. уволенные из Московского университета профессора вновь заняли свои должности в университете, а академик Лузин, хотя и подвергся жесточайшей политической травле, не был арестован и в дальнейшем работал по специальности.

С.А. Чаплыгин.

8 ноября 1911 г.
Пречитенский б., д. 21, кв. 5

Дорогой Владимир Иванович, я надеялся побывать в Петербурге в прошлом месяце повидать Вас, побеседовать с Вами — так непривычно не видеть Вас в Москве. К сожалению, пришлось отложить это намерение в связи с разными обстоятельствами, в частности вследствие болезни, от которой в настоящее время я вполне оправился. На юбилей Ломоносова¹ тоже не пришлось поехать, так как 7 ноября могли произойти осложнения в жизни курсов², по крайней мере, этого ожидали.

Но день этот прошел довольно благополучно — не состоялась часть лекций и практич<еских> занятий (правда, значительные). В общем все спокойно у нас в Москве. В университете влияние новых членов Совета сказалося пока только в уничтожении советской комиссии, но за это голосовал и ректор⁴; поделены перегородки в новом здании, чтобы воспрепятствовать общению между студентами разных факультетов — боюсь, что эти перегородки являются прообразом и будущего разграничения факультетов и развития университета... Поживем, увидим.

Я занят, как всегда, курсовыми делами — между прочим, постройкой аудиторного корпуса, заканчивается вчерне, а еще более работами научного характера. Хочется воспользоваться свободным

временем и привести к концу в разное время задуманные работы; с другой стороны, приходится заниматься редактированием собрания сочинений Жуковского⁵. Кроме сих дел читаю в Коммерческом институте (2 часа в неделю), где Павел Иванович <Новгородцев>⁶ неизменно хотел меня иметь.

С профессорами, оставшимися в университете, связи все слабеют; приходится встречаться с некоторыми из них лишь на курсах да в Леденцовском обществе⁷. Вчера, впрочем, видели группу их в университетской церкви, где присутствовали на панихиде по Ломоносову. Чувствуется значительное охлаждение между ушедшими и оставшимися, и я не уверен, можно ли ожидать, чтобы большинство оставшихся желало возвращения ушедших. Вообще, полагаю, что мы ушли надолго, если не навсегда. Не думайте, чтобы я хоть на минуту раскаивался в сделанном шаге: напротив, мне невозможно себя представить теперь в университете при настоящем положении дела. Но университет, конечно, жаль — несомненно, многое в нем омертвело, особенно учебно-вспомогательные учреждения, и из них Физический институт. О Вашей лаборатории не имею никаких сведений. <...>

РАН. Ф.518. Оп.3. Д.1776. Л.7–8об.

¹ Имеется в виду двухсотлетний юбилей со дня рождения М.В.Ломоносова (1711–1765), широко праздновавшийся в 1911 г. В.И.Вернадский был членом Юбилейной комиссии Императорской Академии наук.

² В 1905–1918 гг. С.А. Чаплыгин возглавлял Московские высшие женские курсы В.И. Герье.

⁴ Ректором Императорского Московского университета в это время был историк профессор Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936).

⁵ Имеется в виду подготовка собрания сочинений профессора Московского университета, основоположника гидро- и аэродинамики Николая Егоровича Жуковского (1847–1921). В конце 1918 г. С.А. Чаплыгин был привлечен Н.Е. Жуковским к организации знаменитого Центрального аэрогидродинамического института, который и возглавлял в 1928–1931 гг. В последующие годы (1931–1941 гг.) Чаплыгин руководил созданием крупнейших аэродинамических лабораторий ЦАГИ.

⁶ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — философ, директор Московского коммерческого института (1906–1918), член ЦК кадетской партии.

⁷ «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений», созданное по духовному завещанию вологодского купца 1-й гильдии Христофора Семеновича Леденцова (1842–1907).

11 июля <1936 г.>, Ессентуки

Дорогой Владимир Иванович!

Я чувствую себя таким усталым, что мне трудно заставить себя сделать даже необходимое дело. И вот прошло целых три дня со времени получения Вашего письма, пока я собрался, наконец, ответить Вам! А между тем вопрос, который Вы ставите, очень дюжий и серьезный. Статья о Лузине¹ прямо возмутительна: пусть он погрешил в оценках того или другого ученого, того или другого претендента на ученую степень, ученое звание; но как отсюда делать вывод о вредительстве, о злонамеренном засорении профессуры?! Покойный наш Н.Е. Жуковский благодаря своей доброте тоже частенько ценил молодых кандидатов на ученые степени выше, чем, казалось, они заслуживали; но отсюда, конечно, никаких иных выводов, кроме как о доброте Н.Е., никто не делал. Что касается обвинения в фашизме, проскальзывающего в статье, о принадлежности к старой московской реакционной школе математиков, то я этого уж совсем не понимаю. Правда, были в Москве когда-то так называемые крайне правые среди математиков, но их можно пересчитать по пальцам (Некрасов, Лахтин, Бугаев², последний, может быть, не вполне, я его меньше знаю); но зато когда разразилась история Кассо, то ведь из математического отделения нашего факультета демонстративно вышло в отставку 7 профессоров, не считая прив<ат>-доц<ентов>.

Остается критическая оценка научных работ Н.Н. Лузина. Но по этому поводу приходится сказать только то, что здесь вполне обнаружилась полная несостоятельность авторов, доказывающая малое и поверхностное знакомство с его работами и их сознательное искажение правильной оценки. Стоит вспомнить хотя бы первую большую работу Н.Н., его диссертацию «Интеграл и тригонометрический

ряд», может быть, единственную магистерскую диссертацию по такой математике, сразу удостоенную степени докторской, чтобы признать за Н.Н. право на одно из ведущих мест в математике. По его работам Н.Н. знает весь математический мир, и, конечно, авторитет его не сравним с авторитетом Хинчина³, который ему противопоставляется.

Но что делать теперь?! Как помочь Н.Н.? Единственный путь, как мне кажется, обращение через делегацию к высоким правительственным инстанциям, т.к. в газете едва ли дадут место каким-либо возражениям без дополнительных комментариев, предвидеть которые едва ли удастся. Президиум Академии со своей стороны мог бы предпринять необходимые шаги. Не знаю только, захотят ли и сумеют ли?

Я сделал только одно: послал частную телеграмму Н.Н., копию которой прилагаю.

Жалею, что не скоро увижу Вас. А потому пожелаю Вам всего хорошего. Наталья Егоровна⁴ мой привет и наилучшие пожелания. Передайте мой привет и Вашей Ниночке, теперь уже Нине Владимировне⁵, которую я знал еще такой маленькой, что невозможно обмолвиться.

Если в Москве что-нибудь случится в связи с интересующим нас вопросом, не откажите черкнуть словечко. Если вообще захотите что-нибудь написать, то буду Вам, как всегда, признателен, так как имею претензию считать Вас одним из моих близких друзей, от которых радостно получать весточки.

Ваш С. Чаплыгин.

Поражен неожиданными совершенно незаслуженными газетными нападениями на Вас. Ваш высокий всемирно признанный научный авторитет не может быть поколеблен; твердо надеюсь, Вы найдете себе силы спокойно отнестись к малоавторитетной критике Ваших трудов, о совершенно необоснованных обвинениях другого порядка не говорю.

Академик Чаплыгин

РАН. Ф.518. Оп.3. Д.1776. Л.31–33.

¹ Имеются в виду статьи в газете «Правда» 2 июля 1936 г. «Ответ академику Н. Лузину» и 3 июля 1936 г. «О врагах в советской математике», положившие начало публичной официальной политической травле известного математика, члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Лузина (1883–1950) и возникновению «дела Лузина». Подробнее см.: Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С.С. Демидов, Б.В. Левшин. СПб., 1999.

² Павел Алексеевич Некрасов (1853–1924), Леонид Кузьмич Лахтин (1863–1927) и Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) — лидеры старой Московской философско-математической школы.

³ Хинчин Александр Яковлевич (1894–1959) — математик, профессор МГУ, член-корреспондент АН СССР (1939).

⁴ Вернадская (ур. Старицкая) Наталья Егоровна (1851–1943) — жена В.И. Вернадского.

⁵ Дочь В.И. Вернадского, психиатр, в то время жила в Чехословакии, затем в США.